

СИБИРСКОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ: НА ПРИМЕРЕ ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ СЕМЬИ ДОБРОХОТОВЫХ

Исследование посвящено судьбе двух поколений семьи Доброхотовых, их социальным практикам в годы Революции и Гражданской войны. Судьба Николая Васильевича Доброхотова после 1917 г. иллюстрирует взаимоотношения между представителями сибирского чиновничества и новой властью. Судьба его сына Николая – пример адаптации поколения молодых образованных дворян к новым условиям.

Ключевые слова: Доброхотовы; Гражданская война; Революция 1917 г.; чиновничество; политические репрессии.

Изучение микроистории необходимо для понимания того, какое влияние оказали Революция и последовавшая за ней Гражданская война на русское общество. Предметом исследования являются судьба двух поколений семьи Доброхотовых, их социальные практики в условиях революции и Гражданской войны. Николай Васильевич Доброхотов – потомственный беспоместный дворянин, чиновник. Его судьба после 1917 г. иллюстрирует нам, как складывались отношения между представителями сибирского чиновничества и новой властью (Временное правительство, Сибирская директория, большевики). Средний сын Н.В. Доброхотова, Николай Николаевич, с 1916 г. находился на службе сначала в царской, а затем в Белой и Красной трудовой армиях. Его судьба – пример адаптации поколения молодых образованных дворян к новым условиям. Работа основана на материалах Государственного архива Красноярского края, архива УФСБ по краю и Российского государственного исторического архива.

Николай Васильевич Доброхотов родился 22 апреля 1863 г. в городе Ростове Ярославской губернии [1. Л. 4]. В 1888 г. окончил Императорский Московский университет по историко-филологическому факультету, получив звание действительного студента [1. Л. 2]. Приказом от 4 октября 1889 г. он был зачислен в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел [Там же. Л. 9]. За девять лет службы в Петербурге Н.В. Доброхотов как минимум два раза (1894 и 1896 гг.) обращался к начальству с просьбой о единовременном денежном пособии «в виду недостаточности получаемого мною содержания» [Там же. Л. 36]. Во втором случае Н.В. Доброхотов также просит о предоставлении его отпуска «для поправления крайне расстроенного здоровья» [Там же. Л. 40].

В 1896 г. Н.В. Доброхотов обратился к начальнику главного тюремного управления «с ходатайством о предоставлении ему должности помощника Саратовского губернского тюремного инспектора» [Там же. Л. 44]. Желаемой должности ему достичь не удалось, однако вышеперечисленные факты указывают на то, что Н.В. Доброхотова не устраивало то материальное положение, которое он имел на службе в Петербурге, и он активно искал иное место работы.

2 марта 1898 г. Н.В. Доброхотов подал прошение на имя Енисейского губернатора о назначении его на должность советника губернского управления [2. Л. 3]. 20 марта того же года «высочайшим приказом

по гражданскому ведомству... титулярный советник Доброхотов назначен исправляющим должность Советника Енисейского губернского управления» [Там же. Л. 11]. На новом месте службы Н.В. Доброхотов проявил усердие: например, прибыл в Красноярск раньше срока и приступил к исполнению обязанностей [Там же. Л. 17]. Через два года, 24 сентября, 1900 г., Н.В. Доброхотов был «утверждён в исполняемой им должности» [Там же. Л. 37].

Ещё одним показателем усердия стало назначение Н.В. Доброхотова 3 мая 1902 г. Старшим советником Енисейского губернского управления [Там же. Л. 50]. Как писал Енисейский губернатор Министру внутренних дел, хотя, согласно закону, «в каждом губернском правлении один из числа советников утверждается в звании старшего», но в «енисейском губернском управлении старшего советника не назначено». Енисейский губернатор характеризовал служебную деятельность Н.В. Доброхотова как отличную, усердную и полезную [Там же. Л. 38]. Эту должность Н.В. Доброхотов будет занимать вплоть до Февральской революции. Можно ли на этом основании утверждать, что его карьера застопорилась? Отнюдь. Н.В. Доброхотов регулярно повышался в чине и дослужился до чина действительного статского советника (с 1 января 1914 г.). К 1917 г. был награждён следующими орденами: Св. Анны 3-й ст. (1896 г.), Св. Станислава 2-й ст. (1901 г.), Св. Анны 2-й ст. (1904 г.) и Св. Владимира 4-й ст. (1906 г.) [3. Л. 6]. Известно, что к 1917 г. готовилось награждение Н.В. Доброхотова очередным орденом «со стороны ведомства Православного исповедания» [3. Л. 15], однако состоялось ли таковое, неизвестно. Кроме орденов имел как минимум одну медаль – в память царствования императора Александра III [4. Л. 94 об.].

Удалось ли Н.В. Доброхотову улучшить своё материальное положение? Несомненно. В Петербурге в 1898 г. его жалование составляло 464 руб. в год плюс столовые 232 руб. Кроме того, было выплачено пособие 300 руб. Итого – 996 руб. [1. Л. 51 об.]. В Красноярске же в первый же год его жалование составило 1 150 руб. и столько же – столовых, в итоге: 2 300 руб. в год [2. Л. 20 об.]. За все годы, которые Н.В. Доброхотов прослужил в должности советника, жалование не увеличивалось. Но не позднее, чем с 1906 г. [Там же. Л. 71], Н.В. Доброхотов стал получать надбавку за сибирскую службу – 575 руб. в год. Кроме того, с 1904 г. [5. Л. 4]. Н.В. Доброхотов стал ис-

правлять должность секретаря Енисейского губернского статистического комитета с жалованием 750 руб. в год. Такое же жалование сохранялось у Н.В. Доброхотова вплоть до Февральской революции.

Кроме основной службы советником и работы по совместительству секретарём статистического комитета, Н.В. Доброхотов участвовал в общественной жизни губернии. Он был кандидатом в члены правления Енисейского губернского отдела российского общества покровительства животным [6. С. 50], членом правления Общества любителей музыки и литературы [Там же. С. 51]. Долгие годы Н.В. Доброхотов состоял членом совета Ольгинского приюта трудолюбия для детей переселенцев, а на протяжении нескольких лет был членом ревизионной комиссии [7. Л. 1 об.]. С началом Первой мировой войны Николай Васильевич вошел в состав Енисейского местного управления Российского общества Красного Креста, а его супруга Надежда Васильевна – в Красноярский дамский комитет при Местном Управлении Красного Креста [8. С. 40]. С 1909 г. Н.В. Доброхотов, кроме прочего, состоял в должности почётного мирового судьи г. Красноярска [3. Л. 1–1 об.]. Такого было служебное и общественное положение Н.В. Доброхотова накануне Февральской революции.

Семейное положение Н.В. Доброхотова было следующим. В 1894 г. он женился в Ярославле на Надежде Васильевне Виноградовой, дочери умершего надворного советника [2. Л. 13 об.]. 14 июня 1895 г., в Ярославле же, у пары родился первенец Василий [1. Л. 38]. 15 августа 1896 г., уже в Петербурге, родился второй сын – Николай [Там же. Л. 46–47]. 17 марта 1899 г. родилась единственная дочь Любовь, а 12 апреля 1903 г. – сын Сергей [3. Л. 6].

Все дети Н.В. Доброхотова получали гимназическое образование. Василий и Николай, несмотря на разницу в возрасте, учились в одном классе – в списках 1912 г. они числятся в седьмом классе [9. Л. 9]. В анкете, датированной 15 октября 1915 г., Николай Васильевич Доброхотов относительно своих детей указывал, что Василий и Николай учились в Ярославском Демидовском юридическом лицее, а Сергей и Любовь – в красноярских мужской и женской гимназиях соответственно [3. Л. 7]. С известной долей вероятности можно предположить, что выбор учебного заведения для старших сыновей пал именно на Демидовский лицей потому, что в г. Ярославле проживали родители Н.В. Доброхотова, дед и бабка Василия и Николая [Там же. Л. 7 об.].

С началом Первой мировой войны никто из семьи Доброхотовых не был призван на военную службу. Николай Николаевич Доброхотов был призван на военную службу со студенческой скамьи 10 июня 1916 г. и был зачислен в 1-й подготовительный учебный батальон в Нижнем Новгороде, откуда вскоре был переведён в 1-ю Петергофскую школу подготовки прапорщиков [10. Л. 2–2об.]. Вероятно, военное начальство планировало призвать и Василия Николаевича, во всяком случае, в декабре 1916 г. Ярославский губернатор делал запрос о его политической благонадёжности [11. Л. 2]. Согласно устной традиции, сохранившей в воспоминаниях потомков,

В.Н. Доброхотов был непригоден к военной службе из-за травмы руки, полученной в гимназии в ходе фехтования.

Н.Н. Доброхотов успел окончить школу прапорщиков буквально накануне Февральской революции – 10 февраля 1917 г. и был отправлен в действующую армию [12. Л. 44 об.]. О его службе после Февральской революции рассказывают собственноручно заполненная анкета (не датированная, но составленная не ранее 1922 г.) [Там же. Л. 44–45 об.], послужной список (датирован 1921 г., но записи велись до 1924 г.) [13. Л. 1–6 об.], учётная карточка [13. Л. 4–4 об.] и краткая записка, датированная 12 мая 1924 г. [13. Л. 5 об.–5].

Документы, имеющиеся в распоряжении исследователя, создают впечатление, что жизнь Н.В. Доброхотова после Февральской революции не претерпела кардинальных изменений. Новому главе Енисейской губернии, Енисейскому губернскому комиссару и по совместительству Председателю комитета общественной безопасности Вл.М. Крутовскому достался «в наследство» чиновный аппарат старого режима [14. С. 11]. Жандармский полковник П.П. Заварзин, инспектировавший в ноябре-декабре 1916 г. Восточную Сибирь [15. С. 33], указывал в своих воспоминаниях, что практически на всех сибирских чиновниках «отражался отпечаток уныния, нерешительности, что можно было бы назвать психозом апатии, охватившим российского обывателя и чиновника» (цит. по: [16. С. 560]). Вероятно, Н.В. Доброхотов также оказался под влиянием этих упаднических настроений и поэтому спокойно воспринял Февральскую революцию.

В «Требовательных ведомостях содержания личного состава Енисейского губернского управления» должность Н.В. Доброхотова указана «по старинке» – «старший советник» [17. Л. 42]. В другом документе его должность указана как «помощник губернского комиссара». Представляет интерес решение Вл.М. Крутовского взять в помощники бывшего царского чиновника. Можно предположить, что новой власти нужны были компетентные люди. Могло сыграть свою роль и личное знакомство: Вл.М. Крутовский в течение ряда состоял помощником председателя Енисейского губернского статистического комитета (председателем по должности числился губернатор), секретарём которого состоял Н.В. Доброхотов. Должность секретаря за ним была сохранена [18. Л. 16].

Сам Н.В. Доброхотов в показаниях, данных после ареста в 1920 г., указывал, что после Февральской революции служил «там же», где и до неё [19. Т. 4. Л. 21 об.]. Эта оценка представляется весьма важной – получается, что, по мнению самого Н.В. Доброхотова, характер его занятий после свержения монархии не изменился. Есть, впрочем, в архивно-следственном деле и примета революционной эпохи – к делу было приобщено выданное ещё Вл.М. Крутовским свидетельство о разрешении Н.В. Доброхотову «иметь для самообороны один револьвер системы “Нагана” и потребное к нему количество патронов» [Там же. Л. 23].

Кардинальные перемены в жизни Н.В. Доброхотова начались после Октябрьской революции. О его жизни с ноября 1917 по август 1918 г. составлена справка, которую представляется уместным привести. «ДОБРОХОТОВ состоял в должности Советника Енисейского Губернского управления... по 1 ноября 1917 г., когда властью большевиков был устранен от означенной должности за отказ подчиниться советской власти и продолжить службу при большевистском режиме.

4 ноября 1917 г., по декрету Красноярского Совдепа, был арестован и заключен в тюрьму, как саботажник; 12 ноября 1917 г. из тюрьмы был освобожден с отображением записки о невмешательстве в дела управления Енисейской губернией.

Жалованием удовлетворен по 1 декабря 1917 г. с какого времени по 1 августа 1918 г., т.е. в продолжение восьми месяцев никакого содержания не получал, оставаясь все это время без службы.

Источник существования изыскивал путем продажи домашнего имущества, ношебного платья и проч., что дало возможность просуществовать с семьей до мая месяца 1918 г.;

С 1 мая 1918 г. приискал частные занятия, исполняя обязанности Казначея Лотерейной комиссии по продаже выигрышных билетов в пользу приютов и получая вознаграждение за этот труд по 200 руб. в месяц, а всего за три месяца – 600 рублей.

3 августа 1918 г. назначен на должность заведующего Отделом при Управлении Енисейского губернского комиссара» [18. Л. 33–33 об.]. Как следует из другого документа, в период белой власти в Сибири Н.В. Доброхотов заведовал отделом печати, зрелищ и собраний [20. Л. 1]. Впрочем, в апреле 1919 г. он уже фигурирует как начальник распорядительного отдела [3. Л. 19]. Известно, продолжал ли Н.В. Доброхотов исполнять обязанности секретаря статистического комитета в период белой власти, но доподлинно известно, что в 1919 г. он был вновь назначен почётным мировым судьёй на очередное трёхлетие [Там же. Л. 1 об.].

Итак, можно видеть, что Н.В. Доброхотов одинаково служил как в царской России, так и при Временном правительстве и при белых. Его служебная деятельность не претерпела принципиальных изменений. Власть большевиков же Н.В. Доброхотов не признавал категорически, почему и оказался на протяжении более чем полугода в бедственном положении.

Судьбы представителей младшего поколения Доброхотовых были различны. Младшие дети, Любовь и Сергей, встретили Февральскую революцию учениками гимназии. Любовь Николаевна продолжила обучение и в мае 1918 г. закончила 8-й дополнительный общеобразовательный класс Красноярской женской гимназии [21. Л. 3]. Василий Николаевич в августе 1918 г. прервал обучение в Демидовском лицее и вернулся в Красноярск, где служил канцелярским работником в уездной земской управе [22. Л. 7 об.]. Судьба Николая Николаевича оказалась самой драматичной.

После присвоения звания прапорщика приказом от 17 февраля 1917 г. Н.Н. Доброхотов был отправлен в 209-й запасной пехотный полк в г. Ярославле. В июне

1917 г. был переведён в 14-й Сибирский стрелковый запасной полк, в июле 1917 г. – в действующую армию, в 32-й Сибирский стрелковый полк. В августе 1917 г. был переведён в сапёрную команду. Во всех перечисленных воинских подразделениях занимал должность младшего офицера роты. С января 1918 г. состоял временно исправляющим должность полкового адъютанта. 1 марта 1918 г. Н.Н. Доброхотов был демобилизован из рядов старой русской армии [13. Л. 2]. В период с июля 1917 г. по март 1918 г. принимал непосредственное участие в боевых действиях против Германии, в ходе которых получил отравление «удушливыми газами в районе местечка Снов» [Там же. Л. 6].

После демобилизации Н.Н. Доброхотов вернулся в Красноярск и давал частные уроки математики [Там же. Л. 3 об.]. В июне 1918 г., после падения советской власти и провозглашения Временного сибирского правительства, Н.Н. Доброхотов был мобилизован в состав 4-го кадрового полка младшим офицером. В сентябре 1918 г. комиссия врачей при Красноярском военном госпитале признала его негодным к строевой службе и отправила на амбулаторное лечение, которое продлилось до мая 1919 г. В августе 1919 г. комиссия признала Н.Н. Доброхотова годным к нестроевой службе на должности батальонного адъютанта в 3-м стрелковом полку 2-й бригады, в составе которого он и отбыл на фронт. Однако через два с лишним месяца, 15 октября 1919 г., Н.Н. Доброхотов по состоянию здоровья был с фронта эвакуирован и по январь 1920 г. находился на амбулаторном лечении при Красноярском военном госпитале [Там же. Л. 2–2 об.]. Расстроенное здоровье позволило Н.Н. Доброхотову встретить Красную армию без оружия в руках, на положении больного. Попав в распоряжение красных добровольно и персонально, а не при массовой сдаче в плен, Н.Н. Доброхотов был принят на службу в Красную трудовую армию 6 февраля 1920 г. В марте 1920 г. особый отдел ВЧК при 5-й армии рассмотрел его дело, однако в биографии не было найдено поводов для привлечения его к какой-либо ответственности [12. Л. 44 об.].

За время службы в трудовой армии Н.Н. Доброхотов сменил немало должностей и воинских частей, но чаще сего это было связано с процессами переформирования и переименования последних. Так, изначально он был зачислен в 1-ю Енисейскую инженерную военно-рабочую бригаду командиром взвода. С мая по июль 1920 г. был временно исправляющим должность командира роты [13. Л. 2 об.] (из показаний отца известно, что Николай служил в Кемчуге [19. Т. 4. Л. 21 об.]. В Кемчуге располагалась 5-я рота [14. С. 276]. Значит, Николай был временным командиром 5-й роты). С 27 июля 1920 г. служил на должности делопроизводителя по строевой части. В феврале и марте 1921 г. батальон, в котором служил Н.Н. Доброхотов, подвергался переименованию: сначала в 1-й, а затем в 9-й военно-трудовой батальон. С 16 марта 1921 г. был назначен временным адъютантом батальона. В апреле был переведён на старую должность делопроизводителя по оперативно-трудовой части. Летом 1921 г. батальон претерпел

несколько переименований: 9-й Сибирский трудовой, 5-й Сибирский трудовой батальон 5-й Сибирской трудовой бригады, 9-й Сибтрудбат 4-й Сибтрудбригады. 9 июля Н.Н. Доброхотов был назначен на должность заведующего технической частью батальона. 7 октября 1921 г. он был переведён в лесозаготовительную дружину, 10 октября зачислен на должность делопроизводителя технической части 6-й Лесозаготовительной дружины. 25 января 1922 г. Н.Н. Доброхотов был зачислен адъютантом в 5-й трудовой батальон, 30 мая – уволен в бессрочный отпуск [13. Л. 2 об.–3 об.].

После увольнения с 10 июня 1922 г. работал на железной дороге в должности счетовода. С 12 июня 1923 г. перешёл на службу в Енисейский губернский союз кооператоров, опять же счетоводом. Как бывший белый офицер, 1 мая 1922 г. Н.Н. Доброхотов был взят на особый учёт в Енисейской губчека, но уже через два года, 19 апреля 1924 г., был снят с учёта согласно ходатайству [Там же. Л. 6].

Как можно видеть, поступление на военную службу (в царскую армию, затем в Белую и Красную) для Н.Н. Доброхотова не было добровольным: во всех случаях он подвергался мобилизации. Конечно, необходимо учитывать, что сведения о службе берутся из материалов, составленных собственноручно Н.Н. Доброхотовым или с его слов. Естественно, что в целях самосохранения он подчёркивал, что на царскую и белую службу поступал недобровольно. Понимаю сложность своего положения как бывшего белого офицера, в одной из анкет Н.Н. Доброхотов указывает, что сочувствует РКП(б) [12. Л. 45]. Не исключено, что это было намеренное искажение правды, однако представляется, что недобровольность поступления Н.Н. Доброхотова на службу действительно имела место.

С одной стороны, если бы Н.Н. Доброхотов был склонен к военному делу и желал бы прославиться военными подвигами, то ничто не мешало ему в 1914 г. бросить гимназию и уйти добровольцем на фронт или по окончании гимназии поступить в военное учебное заведение. Однако Николай и Василий выбрали вполне мирную профессию юриста. С другой стороны, Н.Н. Доброхотов не пытался «откосить» от мобилизации. Вероятно, он воспринимал войну и свою мобилизацию как некую данность, с которой приходится мириться. При этом первое время ему удаётся оставаться вдалеке от фронта: с февраля по июль 1917 г. Н.Н. Доброхотов служил в запасных полках. Не исключено, что имело место влияние отца, хотя фактов, подтверждающих это, нет.

В Белой армии Н.Н. Доброхотову довелось прослужить с июня 1918 г. по январь 1920 г., т.е. 19 месяцев. Из них 11 он находился на амбулаторном лечении в Красноярске, а на фронте – всего 2,5 месяца и на нестроевой должности адъютанта. Зная о факте отравления при газовой атаке, можно предположить, что лечение Н.Н. Доброхотову действительно было показано.

Можно видеть, что судьба Н.Н. Доброхотова, по крайней мере в первые годы советской власти, складывалась относительно неплохо: он получил работу,

имел стабильный доход. Это подтверждает тот факт, что в указанный период Н.Н. Доброхотов женился и к 1924 г. имел уже двух дочерей, 21 и 7 месяцев; а также на его иждивении находилась тёща [13. Л. 5 об.] (супруга работала телефонисткой [12. Л. 44]).

Судьба Н.В. Доброхотова при советской власти сложилась гораздо трагичней. После восстановления советской власти Н.В. Доброхотов устроился работать заместителем секретаря в «Гублеском». 15 мая 1920 г. он был арестован Енисейской ГубЧК по обвинению в участии в белогвардейской организации атамана Каверина [19. Т. 4. Л. 121]. Таковая организация, состоявшая из бывших белых офицеров и базировавшаяся в с. Торгашино, действительно существовала [14. С. 287–288]. Однако насколько справедливы были обвинения в участии в её деятельности Н.В. Доброхотова, неизвестно. Соответствующее архивно-следственное дело хранится в настоящий момент в архиве УФСБ России по Красноярскому краю, доступ к нему ограничен. Исследователю были доступны только анкета, протоколы допросов и приговор, касающийся только лично Н.В. Доброхотова. Показания других лиц (обвиняемых и свидетелей) недоступны исследователю.

Сам Н.В. Доброхотов на допросе отрицал свою причастность к организации, обращая внимание следователей на то, что он «вообще в военной среде никакого никогда знакомства не заводил», что не имел «свободного времени чем-либо заниматься». Стиль его показаний наводит на мысль, что Н.В. Доброхотов был очень напуган арестом: «Я человек верующий, и могу дать клятву, или принять присягу в том, что я себя считаю совершенно невиновным» [19. Т. 4. Л. 21 об.]. 29 июля 1920 г. решением Красноярской ГубЧК он был приговорён к пяти годам заключения в концентрационном лагере [Там же. Т. 2. Л. 158]. Отбывать наказание Н.В. Доброхотова отправили в Коркинские копи, где он работал в качестве регистратора, составляя «отчеты о движении работ заключенных» [23. Л. 56]. 19 февраля 1921 г. Н.В. Доброхотов был вновь арестован, однако доказать его виновность в какой-либо незаконной деятельности не удалось, и он был возвращён в Коркинский лагерь [Там же. Л. 202, 211].

О дальнейшее судьбе членов семьи Доброхотовых известно следующее. Последние сведения о Надежде Васильевне Доброхотовой и её дочери, Любове Николаевны, датируются 1924 г.: Н.Н. Доброхотов указал в анкете, что его мать – домохозяйка, а сестра находилась на учёбе [12. Л. 44]. Старший сын, Василий Николаевич Доброхотов, был арестован 25 марта 1932 г. Окружным отделом ОГПУ. Из его показаний явствует, что в это время он работал секретарём Горкомунхоза [22. Л. 6–6 об.]. Ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной агитации «против Советской власти», а именно: распространение слухов о скором нападении Японии на СССР, вследствие чего Сибирь будет освобождена от большевиков. На допросе В.Н. Доброхотов признал, что высказывал периодически недовольство плохим снабжением, но отрицал агитацию в пользу Японии [Там же. Л. 18–19]. Протоколом Особого совещания при коллегии ОГПУ от

29 июля 1932 г. был выслан в Западную Сибирь сроком на три года [22. Л. 27].

Касательно судьбы отца, Николая Васильевича Доброхотова, В.Н. Доброхотов заявил, что тот «в 1920 г. был арестован ... где он в данное время и какая его судьба постигла не знаю, но думаю, что его уже в живых нет; возможно он умер, так как он был дряхлый и больной старик» [Там же. Л. 7 об.]. Напомню, что на момент ареста старшему Доброхотову было 57 лет – по современным меркам, возраст отнюдь не старческий. Однако если вспомнить те прошения об отпуске в связи с болезнью, которые Н.В. Доброхотов подавал ещё в период своей службы в Петербурге, в относительно молодом возрасте, то можно предположить, что он действительно страдал хроническими заболеваниями. Нельзя не учитывать и сильное нервное, психологическое переутомление, связанное с резким изменением социального статуса: от действительного статского советника, третьего человека в губернии, до секретаря. В этих условиях арест и пребывание в лагере действительно могли нанести окончательный удар по здоровью Н.В. Доброхотова.

В своих показаниях от 1932 г. В.Н. Доброхотов указал, что оба его брата, Николай и Сергей Доброхотовы, переехали в Ленинград. Первый работал в

Ленинстрое бухгалтером, второй – на одном из заводов [Там же].

Таким образом, обобщив социальные практики отца и сына Доброхотовых в условиях Революции и Гражданской войны, можно отметить следующее. Политические убеждения при выборе стратегии повеления имели большее значение для отца, чем для сына. Первый отказался служить большевистской власти в 1917 г., за что и поплатился кратковременным арестом. На службу в советские органы Н.В. Доброхотов поступил только после Гражданской войны, когда советская власть пришла «всерьёз и надолго». Деятельность Доброхотова-младшего по большей части носила вынужденный характер: поступление на службу в царскую, Белую и Красную трудовую армии. Следует полагать, что важным жизненным ресурсом, который позволил Доброхотовым выжить, было полученное высокое образование (университетское у отца и гимназическое у сына). Грамотные люди были нужны как белым, так и красным. Следует полагать, что образование и опыт военной службы послужили причиной принятия Н.Н. Доброхотова в Красную армию на руководящую должность. Будучи грамотным, Доброхотов-старший даже в концентрационном лагере выполнял относительно интеллигентскую работу регистратора, а не трудился физически.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 46. Д. 2869.
2. РГИА. Ф. 1284. Оп. 46. 1898 г. Д. 41.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 3360.
4. ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 75.
5. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 220.
6. Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год. Красноярск : Енисейская губерн. тип., 1903. VII, 74. 136 с.
7. ГАКК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.
8. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Красноярск : Енисейск. губерн. эл.-тип., 1915. 102, 128 с.
9. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1939.
10. ГАКК. Ф. 595. Оп. 28. Д. 3059.
11. ГАКК. Ф. 595. Оп. 28. Д. 3163.
12. ГАКК. Ф. р-51. Оп. 3. Д. 33.
13. ГАКК. Ф. р-51. Оп. 1. Д. 849.
14. Мармышев А.В., Елисено А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск : Версо, 2008. 413 с.
15. Бакшт Д.А., Катцина Т.А. «Власть атрофирована, и мы находимся на краю бездны»: о состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П.П. Заварзина. 1916 г. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 33–56.
16. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. : Новое литературное обозрение. 2010. 664 с.
17. ГАКК. Ф.р-1813. Оп. 2. Д. 62.
18. ГАКК. Ф.р-1800. Оп. 2. Д. 32.
19. Архив РУ ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д.П-23569.
20. ГАКК. Ф.р-1800. Оп. 2. Д. 42.
21. ГАКК. Ф.265. Оп. 1 Д. 394.
22. Архив РУ ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д.П-7979.
23. Архив РУ ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д.П-23479.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 апреля 2018 г.

SIBERIAN OFFICIALS IN THE REVOLUTION: THE EXAMPLE OF THE DOBROKHOTOV FAMILY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 137–142.

DOI: 10.17223/15617793/434/18

Denis Yu. Khomenko, Krasnoyarsk Medical Vocational School (Krasnoyarsk, Russian Federation); Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: khomenko_denis@mail.ru

Keywords: Civil War; Revolution of 1917; Yenisei Region; civil servants; Dobrokhотовs; political repression.

In the article, the author describes the fate of two generations of the Dobrokhотов family during the Revolution of 1917 and the Civil War. The work tells about the official and family situation of Nikolai V. Dobrokhотов, who served as a senior advisor of the Yenisei Provincial Administration from 1898 to 1917. The author concludes that Dobrokhотов belonged to the average Siberian bureaucracy, and actively participated in social activities. The family status of Dobrokhотов is described: four children, two of whom went to a gymnasium by 1917, and two received higher education. The main attention in the article is paid to the destinies of Dobrokhотов and his middle son Nikolai, who was drafted to the army and sent to the school of ensigns in 1916. The author draws at-

tention to the fact that the position of Dobrokhoto Sr. practically did not change after February 1917: he became an assistant to the Yenisei Provincial Commissar. In October 1917, Dobrokhoto Sr. did not accept the Soviet power, and was dismissed from service. The article describes Dobrokhoto Sr.'s social practices before the White power, namely: life at the expense of the sale of property and casual earnings. Under the White power, Dobrokhoto Sr. returned to civil service. In 1920, he was arrested by the Bolsheviks and sentenced to punishment in a concentration camp. Dobrokhoto Jr. served as ensign in the old Russian army; he took direct part in the fighting against Germany in the summer of 1917. After demobilization, he returned to Krasnoyarsk. In the autumn of 1918, he was mobilized in the White Army, but as a result of poisoning with military gases on the German front, Dobrokhoto Sr. spent most of his service in hospital. In 1920, he surrendered to the Red Army, was recruited into the labor army, in which he served until 1922. The author concludes that for Dobrokhoto Sr. ideological motives in actions played a greater role than for Dobrokhoto Jr.: while the father flatly refused to serve the Bolsheviks, the son voluntarily entered the Red Army. The motives for actions of Dobrokhoto Jr. look compelled: he did military service in the Tsarist, in the White, and in the Red Armies as a result of mobilization. The author points out that the important resource, which enabled the Dobrokhotos to settle in the conditions of a new life, was the education that they had received before the revolution. Any government (the Provisional Government, the Whites, the Bolsheviks) needed literate people. Probably, it is this factor (as well as practical experience) that was the reason for the appointment of Dobrokhoto Jr. to command posts in the Red Labor Army. For the same reason, Dobrokhoto Sr. was able to continue his service under the Provisional Government and under the White power. Even in the camp, he was not engaged in heavy physical labor, but worked as a registrar.

REFERENCES

1. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 46. File 2869. (In Russian).
2. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 46. 1898. File 41. (In Russian).
3. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 42. List 1. File 3360. (In Russian).
4. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 595. List 45. File 75. (In Russian).
5. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 31. List 1. File 220. (In Russian).
6. Anon. (1903) *Pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii na 1903 god* [The memorial book of the Yenisei Province, 1903]. Krasnoyarsk: Eniseyskaya gubern. tip.
7. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 48. List 1. File 1. Page 1 rev. (In Russian).
8. Anon. (1915) *Pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii na 1915 god* [The memorial book of the Yenisei Province, 1915]. Krasnoyarsk: Eniseysk. gubern. el.-tip.
9. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 1. File 1939. (In Russian).
10. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 595. List 28. File 3059. (In Russian).
11. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 595. List 28. File 3163. (In Russian).
12. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund r-51. List 3. File 33. (In Russian).
13. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund r.-51. List 1. File 849. (In Russian).
14. Marmyshev, A.V. & Elisenko, A.G. (2008) *Grazhdanskaya vojna v Eniseyskoy gubernii* [Civil War in the Yenisei Province]. Krasnoyarsk: Verso.
15. Baksht, D.A. & Kattsina, T.A. (2017) "Vlast' atrofirovana, i my nakhodimsya na krayu bezdny": o sostoyanii predrevolyutsionnogo obshchestva Vostochnoy Sibiri po rezul'tatam inspektsii polkovnika P.P. Zavarzina. 1916 g. ["The power is atrophied, and we are on the edge of an abyss": on the state of the pre-revolutionary society of Eastern Siberia according to the results of the inspection of Colonel P.P. Zavarzin. 1916]. *Istoricheskii arkhiv*. 1. pp. 33–56.
16. Kolonitskiy, B. (2010) *"Tragicheskaya erotika": Obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny* ["Tragic Erotica": Images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund r-1813. List 2. File 62. (In Russian).
18. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund r-1800. List 2. File 32. (In Russian).
19. Archive of the Krasnoyarsk Regional Office of the Federal Security Service of Russia. Fund 7. File P-23569. (In Russian).
20. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund r-1800. List 2. File 42. (In Russian).
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 265. List 1. File 394. (In Russian).
22. Archive of the Krasnoyarsk Regional Office of the Federal Security Service of Russia. Fund 7. File P-7979. (In Russian).
23. Archive of the Krasnoyarsk Regional Office of the Federal Security Service of Russia. Fund 7. File P-23479. (In Russian).

Received: 11 April 2018